

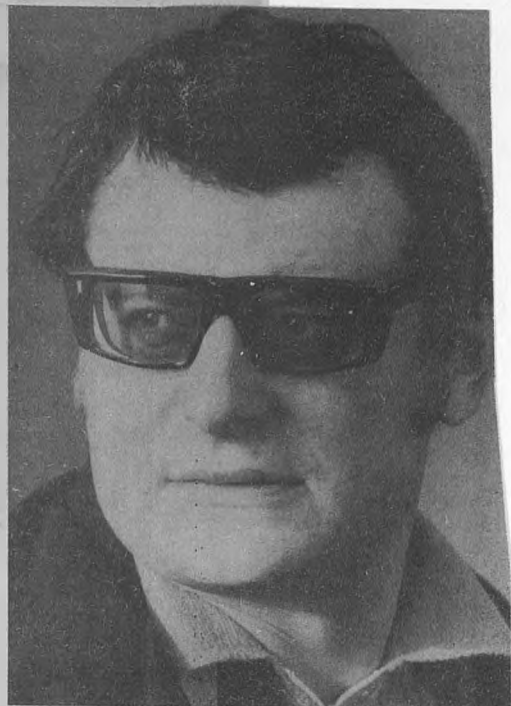
ПОИСК БЕЗ АНТРАКТА

★
1976

Он обратил на себя внимание сразу. Что-то очень убедительное есть в каждом его движении, жесте, слове. С его появлением сцена приобретает вдруг какой-то неожиданно обжитой вид. Впервые это пришло мне в голову на спектакле «Сталевавары», затем я проверила реакцию на других спектаклях Государственного русского драмтеатра ЭССР: «По ком звонит колокол», «Похожий на льва», «Безымянная звезда», «Энергичные люди», «Слон», «Багряный бор».

Достоверность образа, полное отрицание какой бы то ни было приблизительности поведения на сцене — пожалуй, именно в этом и есть главный «секрет» актерской индивидуальности АЛЕКСЕЯ ЗАХАРОВА. И вовсе не случайно актер этот пользуется завидной репутацией у зрителя. «На Захарова» идут с удовольствием, Захарову верят, Захарова знают.

Сегодня мы предлагаем читателям интервью с этим актером.

— Что для вас наиболее ценно в искусстве театра?

— Легче назвать то, что я не приемлю: черно-белый взгляд на вещи, прямолинейный подход к теме.

— С чего начинался ваш путь на сцену?

— С Ленинградского театрального института. А если быть более точным — с мечты. Я жил в Ленинграде, часто бывал в театре и с каким-то детским упрямством внушал себе: или я стану актером, или я ни на что не пожусь. После института играл в ленинградских театрах, и уже с юношеским максимализмом твердил: или я создам свой театр, или грош мне цена. А вот теперь, уже со страхом зрелого человека думаю: или я сыграю когда-нибудь Сирано де Бержерака, или я так ничего и не сумел сделать на сцене...

— А как же с мечтой создать свой театр?

— Она осуществилась. Произошло это в Красноярске, куда в начале 60-х годов решил уехать весь наш институтский выпуск. Цель у всех была одна: создать свой театр. Мы были молоды, упоены жизнью, сильны душевным здоровьем и безграничной готовностью делать любую работу. И мы создали свой театр. Делали все: писали декорации, ставили спектакли, играли в них. Вместе со мной там начинали Г. Опорков, Н. Алянин, Л. Малеванная. «Своими людьми» в нашем кругу были, тогда еще ничем не знаменитые, Рошин и Вампилов. Невозможно забыть, как мы просиживали в театре ночами, спорили до хрипоты об искусстве, а утром начинали репетиции с неистребимым оптимизмом и верой в свое святое дело...

— Сейчас много спорят, каким должен быть совре-

менный театр: театром режиссера или актера. Ваше мнение об этом?

— Видите ли, тут вопрос сложный... Суть в том, чтобы актер не грабил режиссера, не был бы бездонным потребителем его таланта. Это, во-первых. Во-вторых. Хороший режиссер не станет «подбивать» актера под некий умозрительный образ. Он будет исходить из возможностей актера. Я — за режиссерский театр, но без деспотизма. В смысле школы мне повезло бесконечно. У меня было много блестящих режиссеров. Взял хотя бы Красноярск. Там я постиг науку двух совершенно контрастных мастеров режиссуры — Г. Менъшенина (стиль которого в чем-то схож с почерком Ефремова) и И. Пеккера, которого можно называть приверженцем Эфроса. Вот эти два мастера — с одной стороны, мастер современной драматургии, гражданской темы, с другой — психологической драмы, и определили отношение к театру.

Но главный этап моей жизни начался все же со встречи с Черменевым. Случилось это тоже в Красноярске. Он приехал в наш театр из Москвы, чтобы поставить спектакль «Антонина» и буквально заразил многих из нас своей режиссерской неистовостью. Так я оказался в Таллине.

— Спектакль не существует отдельно от зрительного зала. Эту мысль Станиславского как-то постепенно стали забывать. Что она означает для вас, как для актера?

— Эта мысль означает прежде всего четкое знание своего зрителя, абсолютное представление о тех, кто сидит в зале, на сегодняшнем спектакле. Иначе может

получиться так, что театр говорит в пустоту, проповедует позавчерашние истины, которые сегодня уже никому не интересны. Ведь наш сегодняшний зритель буквально напичкан различными проблемами. В нем уже заложено необходимое театру эмоциональное начало для восприятия действия. И спектакль должен дать зрителю пищу для ума.

Самое ценное, что есть, на мой взгляд, в творческом почерке Черменева — это умение находить контакт со зрительным залом. Порою получается так. Режиссер делает какие-то свои собственные эксперименты. И восхищается сам собой: ах, как интересно я задумал, ах, какие трюки я выкину здесь и вот здесь... А цели этого трюкачества остаются зрителю совершенно не понятны. В лучшем случае они являются достоянием актеров да тех, кто смотрит на спектакль из-за кулис. Возможно, я чего-то не понимаю, но мне всегда глубоко неприятны эксперименты такого рода. Если бы я знал, что зрителю не интересно смотреть спектакли «Сталевавары», «Багряный бор» и другие, в которые я вложил часть своей актерской жизни, я бы здесь же сменил профессию...

— Интересно, чем бы вы занимались в таком случае?

— Пошел бы работать... поваром... Да, да, не удивляйтесь. Это тоже искусство. К тому же у меня разряд по этой специальности. И говорят, я неплохо готовлю. В свободное время люблю принимать гостей, предложить им какое-нибудь изысканное блюдо.

— Можете ли вы назвать имя актера, которого считаете идеальным?

— Идеал в искусстве — вещь спорная. Чаще я запо-

минаю не имена актеров, а роли. И таких великолепно сыгранных ролей мог бы назвать немало.

— Когда вы приступаете работать над новой ролью, в чем вы видите главную трудность?

— Трудность в том, как заставить зрителя поверить мне, актеру. Если он соперничает вместе со мной, значит, цель достигнута. А путь к этой цели — всегда разный. Для меня главное в образе — индивидуальный характер изображаемого человека. Люди раскрываются только в поступках. Наговорить-то можно, что угодно. Взять, например, моего героя Петра Хромова из «Сталеваваров». По существу этот человек благородней Лагутина, хотя он и заявляет, что его жизненная платформа: «Нас не спрашивают, мы не оплясываем...». Только это браватура. Поступки этого человека свидетельствуют совсем о другом. Да, Лагутин прав: «Плавка стали должна быть качественной». Но ведь за это надо бороться. А борется-то по существу именно Хромов, несмотря на все свое балагурство и эдакую разухабистость рубахи-парня. Это надо было разглядеть и понять в образе Петра Хромова. Иначе легко было скатиться к клоунаде.

— Какая роль в вашем репертуаре наиболее дорога вам?

— Та, которая еще не сыграна. А из того, что сделано на сегодняшний день, самой интересной считаю работу в «Багряном бору». Это один из последних наших спектаклей.

Беседу вела В. КУБИ.

На снимке А. Захаров.

Фото И. Малкизя.